

Гости незваные

ОЛЕСЬ ПЕТРЕНКО

Н О В Е Л Л Ы

Рисунки Н. Попова

„ГОСПОДИН 480“

Американская туристка: Тадж-Махал! Какой очаровательный небоскребик!

Американский турист: Подумать только, такие штуки они умели строить еще до того, как мы начали оказывать им помощь!

В СЕРДЦЕ Мадурая, одного из крупнейших городов юга Индии, в молитвенном экстазе вздернул к небу свои огромные башни храм могущественной рыбоглазой богини Минакши. Более двух тысячелетий неиссякающие потоки верующих затопляют его молельные залы и галереи. Переступив порог этого храма, ты словноходишь в древнюю волшебную сказку.

Самое интересное здесь, пожалуй, храмовой пруд, вернее легенда, с ним связанная. Она рассказывает о том, что некогда по пруду плавал плот. На нем восседали мудрецы и философы, святые и жрецы. Плот обладал чудесным свойством: поддельную, фальшивую вещь, лживого человека, сдельную мозванца он сбрасывал в воду. Если где-нибудь в стране объявлялся новый святой или прорицатель,

его тотчас же вели в храм Минакши, сажали на плот—проверяли, так сказать, доброкачественность...

Вышел я из храма часов в девять вечера и побрел по одной из узеньких улочек торговой части города. Воздух был приторно теплый, густо напоенный душистыми запахами всех фруктов юга. Они громоздились горками на тротуарах, заполняли бесчисленные лотки, выживали продавцов из лавчонок на улицу.

Миновав какую-то площадь, я уткнулся в огромный рекламный плакат. Расслабленно откинувшись на спинку переднего сидения открытого «Кадиллака», чернокудрый детина бодро раскрыл рот в ослепительной метровой улыбке. Надпись гласила: «Познакомьтесь с Джимми Бауэрсом—миллионером с фермы! Он сам сеет, сам жнет, сам купоны стрижет! Лучший фильм года! То, что вы увидите на экране, более правдиво, чем сама жизнь!» Справа в высоту прыгали метра на два с половиной буквы: «Д Ж И М М И - Б О Й».

Ну что ж, Джимми—так Джимми. Из Мадурая я выезжал дальше на юг лишь наутро, девать мне себя было положительно некуда, спать не хотелось—жарко. А голливудский боевик, выпускаемый на экраны Азии,—лучший из всех известных способов убивания времени.

После обычной получасовой дозы коммерческой кинорекламы («Дарджилингский чай освежает лучше, чем нежный поцелуй гималайского бриза»; «Замки фирмы «Пэдлок»—трагедия для воров»; «Если хочешь есть свежие пирожные—ешь и у Венджера») демонстрировался последний выпуск индийского варианта «Новостей дня». Там был и пуск гидростанции где-то в штате Уттар-Прадеш, и эвакуация жителей Пуны, затопленной взбунтовавшейся рекой, и новости из-за рубежа, и неизбежный крикетный матч. Но наибольшее количе-

ство футов киноплёнки было затрачено на показ чисто мадрасского события.

Американский посол в Индии передавал главному министру штата партию ящиков сухого молока¹. Это был американский «Закон 480» («Закон об оказании помощи продовольственными излишками другим странам») в действии. Великодушный акт бескорыстной помощи был отмечен печатью подобающей торжественности. Улыбки, рукопожатия, «блицы» фоторепортеров... Жидкая толпа раскормленных парней и девиц, физиономии которых лоснились от энтузиазма, кричала что-то приветственное на хорошо усвоенном языке янки.

О фильме «Джимми-бой» к тому, что было сказано в рекламе, добавить, пожалуй, почти нечего. Джимми делал на своей ферме пшеницу и молоко. А его посол (смотри киножурнал) передавал их голодным индийским братьям. Вот так вот! Непонятно было одно: как этот работяга, этот простец-модой, вовремя заменяя свои десять лимузинов новыми...

Несмотря на то, что старенький аэрокондиционер в моем гостиничном номере тархтел, как пулемет, заснул я мгновенно, едва коснувшись головой тойшей подушки. И снилось мне, будто я вновь попал в храм богини Минакши. Священный пруд почти до краев наполнен водой. Кругом ни души. Лишь

¹ Некоторое время спустя индийскую прессу облетело трагическое сообщение: сотни детей в южных штатах отравились залежалым американским молоком.

в самом центре пруда плавают плот, и восседают на нем три седобородых старца в легких белоснежных одеждах. Яркие лучи солнца пронизывают прозрачную толщу воды, в которой плещутся золотистые рыбы. Полуденная тишина. Вдруг где-то зарождается неясный гул. Постепенно он нарастает, надвигается, и вот уже многоголосая толпа высыпает из-за дальних колонн, направляется к пруду. В центре толпы четверо дюжих тамилев легко несут на руках тощего, высокого человека, одетого в костюм западного покроя. Вот они подошли к самому краю пруда, поставили человека на ноги. Он недовольно хмурится, крепко прижимает к груди большой картонный ящик.

— Ванаккам!² — гудит толпа, приветствуя старцев.

— Ванаккам! — отвечает самый древний из них. — Что заставило вас прийти сюда в этот час и нарушить наши молитвы и раздумья? И кто этот человек с ящиком в руках?

Из толпы выступил пожилой мужчина и, приветственно сложив руки, сказал:

— Он чужеземец, из далекой заморской страны, с берегов реки Потомак. Послушать его, так получается, что он святой. Дает нам пищу, спасает от голодной смерти, а взамен будто бы

ничего не хочет... Решили мы его на плот посадить.

— На плот его, на плот! — раздалось одновременно десятки голосов с разных сторон.

— Подождите, — остановил их старец. И обратился к чужестранцу: — Мир и спокойствие тебе, добрый человек. На древней земле тамилев всегда рады тому, кто приходит с открытым сердцем и чистой душой. Объясни нашим людям то, чего они не понимают.

Человек с берегов Потомака положил ящик на землю, одернул пиджак, откашлялся, гордо вскинул голову и заговорил вкрадчивым баритоном:

— Вы видите этот ящик? В нем сухое молоко. Но мы продаем вам задешево и зерно, и рис, и соевое масло, и другие продукты.

— Вы что же, отрываете их от себя, чтобы поделиться с друзьями? — любопытно спросил доброжелательно второй старец.

— И да, и нет, — поспешно ответил иностранец, покосившись при этом на плот. — Да — потому, что мы терпим убытки, продавая дешево. Нет — потому, что продаем мы только излишки.

— А ваш предыдущий правитель говорил как-то, что на хранение излишков вы тратите три миллиона долларов в день, — заметил невысокий широкоплечий юноша в очках. — Похоже на то, что вы одной стрелой пробиваете голову трем тиграм: и от залежалого товара избавляетесь, и рупии с нас получаете, и в святые записываетесь.

— Мне жаль вас, мой юный друг, — вздохнул снисходительно высокий с берегов Потомака. — Вы

² Ванаккам (тамильск.) — добрый день.

явно начитались коммунистической чепухи. Ведь мы же продали вам продукты стоимостью в два миллиарда триста миллионов долларов. А платили-то вы рупиями!

— Одиннадцать миллиардов рупий!.. Да на эти деньги можно было бы оросить все наши поля, снять огромный урожай, напоить, насытить всех жаждущих и страждущих!

— Что же вы с этими деньгами делаете? — нахмурился первый старец.

— Свои миссии сохраним, журналы-газеты издаем, заводчики кое-какие для вас строим, — осторожно улыбнулся иностранец, снова с опаской поглядев на плот.

— Проценты ростовщические, как пауки, сосед, — не унимался юноша в очках, — из наших карманов за все расплачиваетесь. Как это у вас называется — бизнес на базе дружбы?

— Ну зачем же! Это дружба на базе бизнеса.

— Слушай, ты, святой бизнес, — выступил вперед крепко сбитый человек лет тридцати, одетый в длинную рубаху и просторные шаровары, — знаешь, по какой статье у нас судят мошенников? По 420-й. И зовем мы их «господин 420». А ты вместе со своим «Законом 480» — ты же «господин 480»!

— Нет, я честный человек. Я говорю только правду! — в отчаянии выкрикнул чужеземец, беспомощно озираясь вокруг.

— А вот мы сейчас проверим. На плот его! — приказали одновременно трое старцев.

— На плот! На плот! — одобрительно подхватила толпа. — С ящиком вместе!..

Проснулся я от сдержанного стука в дверь — портье предупреждал, что до отхода моего поезда осталось сорок минут...

Месяц спустя у меня в Дели гостил мой друг, индийский писатель. Как-то зашел разговор о Мадуре, о храме Минакши. Я рассказал ему свой сон. Он долго смеялся, потом задумался.

— Ты знаешь, — сказал он наконец медленно и тихо, глядя куда-то поверх деревьев сада, — придет время — мы и на плот посадим, и на дверь укажем. Придет время!

МЛАДШИЙ

ПАРТНЕР

КОФЕ? Сигару? — густой бас звучал сердечно, ласково. Словно теплая волна, он затопил весь просторный сад, разбитый на крыше многоэтажного особняка. В дальнем углу сада встрепенулась ручная лань, повернула на голос голову, раздувая черные ноздри, напряженно вглядываясь в сгущавшиеся сумерки. В центре сада на лужайке стоял стол, за которым сидели трое: хозяин дома — англичанин Чарлз Бернли, владелец газет и журналов; индеец

Манубхай Дхар, политический обозреватель ряда популярных изданий, и я.

Бомбейский вечер был теплый, влажный, как, впрочем, почти все триста шестьдесят пять вечеров в Бомбее. В толпившихся вокруг домов вспыхивал свет, на их крышах и стенах заиграла, завертелась, забегала реклама, замерцали светлячками фары бойко катившихся далеко внизу автомобилей. Лишь печально известный район Красных фонарей едва сочился жидким полумраком, похожий отсюда на огромный болезненный синяк, да мрачно чернела Башня молчания — угрюмая усыпальница парсов.

После обеда Чарлза Бернли потянуло на философию. Высокий, сухопарый, с густой копной седых волос (точь-в-точь свежесбитое бейсе), с иголки одетый, он являл собой образец джентльмена. Когда он говорил и особенно — смеялся, его большой кадык методично прыгал вверх-вниз, как поршень в цилиндре.

— Свобода... — мечтательно тянул он, глядя на меня из-под мохнатых бровей. — Как только мы почувствовали, что индийцы вполне созрели для самоуправления, мы добровольно ушли...

Манубхай Дхар широко улыбался, согласно кивал головой. Толст он был невероятно. Казалось, по лицу его стекает не пот, а жир. Полузакрыв пушистыми ресницами большие черные глаза, он шумно пытался.

...Я вспомнил о сипаях, которые в середине прошлого столетия громом своих пушек возвестили о том, что «жемчужина британской короны» превратилась в пороховую бочку.

Оттуда, где мы сидели, была отчетливо видна золотая ниточка красавицы-набережной Бомбея — Марин-драйв. Семнадцать лет назад здесь вышли на бой за свободу моряки бомбейского экипажа...

— Простите меня за банальность, — продолжал англичанин, — но я говорю с вами, как журналист с журналистом. Вы придерживаетесь одних взглядов, я — других. Но истина есть истина. Разве не факт, что индийцы получили от нас в наследство отлично налаженное хозяйство?

Манубхай Дхар широко улыбался, согласно кивал головой.

...Да, все было отлично налажено. На внутренних стенах Тадж-Махала я видел следы британских штыков. Сыны империи выковыривали драгоценные камни, некогда украшавшие один из священных памятников Индии, и отправляли их в далекую холодную Англию. Так или примерно так было налажено все «хозяйство».

А индо-мусульманская резня?! О ней и по сей день с ужасом вспоминают в Пакистане и Индии. Слезы и кровь текли по древним дорогам страны. Я вспомнил моего делийского приятеля-журналиста. В течение одной ночи он потерял тогда мать и отца, жену и детей. В течение одной ночи он поседел, он постарел на целый век.

Все было отлично налажено...

— Мы, британцы, бескорыстны в наших отношениях с Индией. Нам нечего делить, — простоудушно рокотал бас.

Манубхай Дхар широко улыбался, согласно кивал головой.

...Делить нечего, это верно: все разделено. Англичане и по сей день выкачивают из Индии огромные барыши — ведь львиная доля всех иностранных капиталовложений в стране принадлежит банкирам Сити...

А Манубхай Дхар по-прежнему широко улыбался. Ему было на все наплевать. Ведь он был совладельцем и младшим партнером господина Бернли.

„ЖЕРТВА ТАЙФУНА“

У

ЗНАВ, что я собираюсь на юг, делийский корреспондент одной западной газеты заметил:

— Будете в Пондишери, непременно загляните в ресторан «Жертва тайфуна» — так он, кажется, называется. Во всяком случае что-то в этом роде.

...Летит-свистит под куполом сросшихся, шелестящих шершавыми листьями дремучих платанов широкое асфальтовое шоссе. Изредка мелькнет то слева, то справа небольшая поляна с одиноко дремлющими пальмами, проплывут тростниковые крыши глинобитных хижин маленькой деревеньки, вспыхнет шустрим зайчиком полоска воды на рисовом поле.

Постепенно, словно запыхавшись от стремительной гонки, деревья отстают, отступают, и вот шоссе уже врежется в невесть откуда вынырнувшие песчаные дюны — не желтые, а раскаленные солнцем добела. Шоссе делает стремительный левый поворот и вдруг кубарем срывается к океану!

Из-за пригорка неожиданно вынырнул Пондишери, весь утопающий в зелени, неестественно чистенький, прилизанный. Добротные каменные дома, аккуратно выкрашенные в бело-зеленый цвет, тенистые парки, стадионы, уютная набережная, самоуверенный дворец бывшего французского генерал-губернатора с многочисленными публичными домами напротив. Еще совсем недавно город был колонией Франции. Об этом безмолвно кричат рекламные щиты на французском языке, названия магазинов и клубов, стучат шпильками по тротуарам редкие оставшиеся здесь француженки, лихо жестикулируют на нескольких перекрестках полицейские в еще не изношенных мундирах и фуражках французских жандармов...

Изрядно проголодавшись, мы быстро разыскали «Жертву тайфуна» — ресторан при вместительном отеле. Безлюдные холлы, слежавшиеся плотными складками полотенца и простыни говорили о том, что особой популярностью это место не пользуется.

Заказали ужин — знаменитый омлет по-парижски, рекомендованный мне друзьями еще в Дели, и вышли на террасу. Мой попутчик, советский инженер со строительства теплоэлектростанции в Нейвели, задремал в глубоком кресле. Я машинально листал свежий номер какого-то журнала. Увитая зеленью пустынная терраса погрузилась в сумерки.

Вдруг зажглось сразу несколько сильных люстр, на террасе появился человек. Волосатый, высокий, загорелый, с удивительно длинными дряблыми ногами, он как-то странно вышагивал, жеманно подрагивая и в то же время важно неся свое упитанное тело, как драгоценную хрупкую посудину.

Подойдя к нам, он радушно улыбнулся и, кивнув большой головой, представился на французском языке:

— Шарль Доннэ, владелец сей скромной харчевни.

Мы поднялись, собираясь назвать себя. Но в это время метрдотель громко пригласил к столу, и мы все перешли в зал, обменявшись на ходу традиционными замечаниями о погоде.

— Господа, — продолжил наш хозяин, когда мы уселись за огромный стол в центре зала, — в наши дни так редко встретишь в этой глуши культурных людей. Вы понимаете, о чем я говорю?..

Он был явно подшафе; чувствовалось, что человек ж-ж-жаждет излить душу.

Он сделал паузу, со вздохом огляделся по столам.

— Вы видите, моя харчевня пуста... А совсем недавно бизнес кипел здесь, как смола в котлах ада.

СОЛИДАРНОСТЬ —

ВОПРЕКИ

РАСКОЛЬНИКАМ

(Окончание. Начало см. на стр. 7)

Едва приметный кивок слуге — и бокалы наполнились сотерном.

— Я предлагаю тост за человека, противостоящего дикой стихии, диким зверям, диким племенам. За белого человека!

Я хотел было встать и сказать французам пару «ласковых» слов. Но мой попутчик легонько толкнул меня ногой под столом, чуть слышно шепнув: «Доннэ принял нас за янки. Пускай его выскажет!»

— Знаете, господа, — продолжал хозяин, потягивая вино, — не будь я по натуре неизлечимым оптимистом, давным-давно болтаться бы мне в петле на какой-нибудь рее. Но старый Шарль сам в петлю никогда не полезет, клянусь деваой Марией — нет!

— Судите сами — жена моя поспешила с визитом к святому Петру в тот же день, когда мы узнали, что наш старший мальчик погиб в Индокитае. Он был честный малый, наш Анри, видит бог, но вялый и бесталаный, как морская капуста. Другое дело — Жак. Красавец, остряк, обещающий капитан парашютистов, доверенный своего тезки — нашего Сустеля...

(Где же знаменитый омлет? Доннэ говорил безостановочно.)

— Помните, как это великолепно у Киплинга: «Мы идем, все идем по знойной Африке»? Так и мой мальчик шел. А теперь он лежит где-то там в песках, как потерпевшая крушение бригантина. Осталась у меня лишь дочь, мой единственный, но верный якорь, — он ткнул волосатым пальцем в противоположную стену. С портрета премиленько улыбалась хрупкая девушка.

— Замужем за янки, вашим соотечественником из Джорджии, — одобрительно продолжал Доннэ. — Живут они в Атланте (у него там фабрика), и как живут! На днях я получил от нее письмецо, забавное.

Он долго шарил по карманам, медленно надевал очки, искал, видно, самое забавное место и наконец стал читать: «Боже, как в этом году цветут вишни...»

— Нет, не то... Ага, вот: «Недавно ошенилась моя любимая борзая сука. Прелюбопытная тварь! Ты помнишь, я писала тебе о том, как она великолепно берет зайца. Ласковая и нежная, как годовалый младенец. И при всем том как она уморительно рычит на своего слугу — старого негра Фреда. С оуказией обязательно пошлю тебе пару щенков».

— Щенки щенками, — мечтательно процедил Доннэ. — Одному-двум дикарям горло перегрызть — не штука. Ты мне внуков, внуков давай. Я их по-нашему воспитаю, настоящих людей из них сделаю...

Мы молча встали, молча положили на стол деньги, молча спустились с террасы.

И вновь летела-свистела дорога, луна едва проникала сквозь густые платаны, рисовала причудливый восточный ковер на асфальте.

Мы остановились у захудалого придорожного духана. Сонный хозяин меланхолично зевнул в ответ на наш вопрос об ужине, выразительно махнув рукой на мангал, в котором едва тлели угли.

— А все-таки как ты думаешь, — спросил я своего попутчика, когда мы улеглись на скрипучих низеньких койках, — вкусный был омлет?

— Наверное, очень, — задумчиво ответил он после долгого молчания. И сплюнул.

вала грязными инсинуациями в адрес Советского Союза и советской делегации. Эти действия Пекина никоим образом не служат делу укрепления международной солидарности, прежде всего солидарности афро-азиатских народов.

«Китайские руководители, — подчеркивает бирманская газета «Авангард», — продолжают атаки на Советский Союз, на братские партии, которые не одобряют их авантюризм. Они пытаются посеять недоверие между правительствами и народами. На границе с Советским Союзом китайцы совершили пять тысяч провокаций. Китайские руководители поднимают крик против империалистов, а на практике их взгляды и позиция напоминают взгляды и позиции Аденауэра, де Голля и Никсона. Все это идет только на пользу империалистам». Объективно китайские руководители встали на позицию активной помощи защитникам колониализма и реакции в расколе национально-освободительного движения.

Сессия в Никозии нанесла удар по планам пекинских раскольников прежде всего потому, что участники ее вновь торжественно подтвердили свою верность принципам движения афро-азиатской солидарности, заложенным еще в 1957 году на первой конференции в Каире. В основе этих принципов лежит борьба против колониализма, империализма, за разрядку международной напряженности и мир. Участники сессии ясно заявили, что афро-азиатская солидарность — это отнюдь не скорлупа, в которую должны замкнуться народы с желтой и черной кожей; это цемент для объединения их и между собой, и со всеми передовыми, революционными силами современности.

Народы должны усилить свою бдительность, пристально следить и пресекать провокационную деятельность не только империалистов, но и сектантов-раскольников. Все, кто стремится к скорейшей победе национально-освободительного движения, к скорейшему изгнанию из Азии и Африки колонизаторов и их приспешников, должны объединиться с прогрессивным движением народов всего мира без деления на расы и континенты. Китайские раскольники пытаются противопоставить народам, строящим социализм, и прежде всего народам великого Советского Союза. Прогрессивная общественность всех континентов земного шара гневно клеймит эту недостойную возню пекинского руководства, обреченного на глубокую политическую и моральную изоляцию. Честные люди всех стран присоединяются к суровой и справедливой оценке позиции руководителей Китая, данной в Заявлении Советского правительства от 21 сентября 1963 года: «Факты показывают, что китайские руководители ставят ты показывая, что китайские руководители ставят ты первое место отнюдь не интересы народов, борющихся за социализм и национальное освобождение, а преследуют свои великодержавные цели».